

рупор, которые нельзя было разобрать среди общих многоголосых окриков и плеска морских волн.

Мы заблудились

Сырость и наступившая прохлада ночи затрудняли наше и без того критическое положение. Мы шли уже больше двух часов, между тем с эскадры на берег десант дошел в 20-30 минут.

Всем стало ясно, что мы заблудились в море и не идем на сближение с эскадрой, а куда-то в сторону. Хотя мы видели наших ближайших соседей в темноте и на некотором расстоянии могли еще видеть бортовые огни паровых катеров и баркасов, но мы не знали, вся ли эскадра составляет одно целое, или мы уже потеряли из виду ту или другую ее часть.

Световые столбы

Вдруг в тумане мы различили несколько вертикальных световых столбов, упиравшихся в небо. Это светили вверх в облака прожектора эскадры, чтобы указать нам дорогу в темноте. Световые столбы были несколько вправо от нас. Стало ясно, что мы потеряли направление на эскадру и шли в сторону открытого моря. Наши соседи и наш караван повернули и взяли курс на эскадру.

Лопнул конец

Волнение не ослабевало, а скорее усиливалось, стало дергать буксирный конец.

Вдруг буксир оборвался. Старшина моего вельбота стал кричать, но наш буксир в темноте скрылся, очевидно не заметив постигнувшей нас катастрофы. Видя, что мы рискуем одни остаться в море (мы шли в концевой линии), я скомандовал старшине: «На веслах, гребни веселей!», и для согревания гребцов прибавил: «По чарке молодцам!», правда в кредит, по возвращении на корабль.

Криков старшины не услышали. Соседи нас опережали. Опасность отстать и потеряться в море увеличивалась.

Чудотворность морских выражений

Тогда, чтобы обратить внимание быстро уходящих от нас соседей, я решил, пока не поздно, применить морскую терминологию нашего старшего офицера и нашего старика-боцмана, кондуктора.

«Навались, навались!» - скомандовал я гребцам и во все горло заорал в рупор из своих ладоней во тьму ночную:

« Так, так, так... (трехслойным обращением).

- Подать конец!

- Подать конец!

- Стоп, на катере!».

Нас слышали

Нас слышали, остановились и после ряда попыток, сначала не удававшихся из-за волнения и опасения подмять под себя наш утлый вельбот, с последнего в цепи большого баркаса нам подали конец. Мы опять пошли на буксире последним звеном цепи шлюпок, влекомых чьим-то катером, скрытым от нас во мгле и тумане.

Гребцы сложили весла и стали потирать озябшие руки. Крючковой на носу получил приказание от старшины командирского вельбота (мы шли на командирском, с лучшими на «Пересвете» гребцами и старшиной-квартирмейстером) подтягивать слабеющий буксирный конец, чтобы опять не порвать его при ударах ныряющего носа нашего вельбота.

Спасательный салют

Туман еще более усилился, световые столбы расплылись и скоро, исчезли. Наступил полный мрак. Мы опять потеряли направление к эскадре.

Было больше 10 часов ночи. Вдруг слышим пушечную стрельбу равномерную, редкую через определенные промежутки времени.

Это адмирал, обеспокоенный погодой, видя критическое положение десанта в открытом море, стрельбой указывал нам путь в тумане.

«В море – дома»

Только около полуночи мы добрались до своих судов, промокшие от сырости, прыгания в воду со шлюпок при высадке десанта на берег и брызг волн при возвращении, озябшие и до крайности уставшие.

В полночь мы пообедали, согрелись ромом и легли спать в теплых, уютных каютах.

К утру эскадра подходила к Артурскому рейду. Я узнал, что все части десанта благополучно вернулись на свои корабли.

Мореходные качества русского флота на Дальнем Востоке в те времена были на большой высоте.

Маневр – «номер»

Почти через полвека, проделав Русско-японскую войну, осаду Порт-Артура, Великую войну, междуусобицу и после только что окончившейся Второй мировой войны, весь этот десантный маневр кажется мне детской игрой. Но, к чести личного состава молодого офицерства того времени, этот маневр и тогда почитался детской игрой.

Башенные орудия броненосцев и тогда стреляли на 12 верст, 6-ти дюймовые пушки Кане били на 18 верст. Миноносец «Лейтенант Бураков», взятый у китайцев под Таку, делал 32 узла ходу без отказа, а не только на мерной миле.

Если допустить, что у нашего противника могло быть такое же современное оружие, то ясно, что десант на весельных вельботах и баркасах и на тихоходах – паровых катерах можно было делать только против пустынного берега.

Это все прекрасно понимали, но все же делали.

Полвека назад

Когда началась Русско-японская война, весь японский флот в числе 16 лучших кораблей Империи Восходящего Солнца подошел к Порт-Артуру и атаковал на рейде главные силы 1-ой Тихоокеанской эскадры, уже понесшей тяжкие потери от бывшей ночью минной атаки, в лице «Цесаревича», «Ретвизана» и «Паллады».

Японский флот обнаружил тот же порок боевой мысли. Сорок пять минут японцы засыпали русский флот снарядами и не утопили ни одного корабля. Все их снаряды падали между судами нашей эскадры, почти неподвижно стоявшей на рейде. Сосредоточенного огня у японцев не было. Море если не «кипело» от взрывов снарядов, то, во всяком случае, справа и слева от нас взлетали громадные водяные башни. Каждая из них была бы гибелью для нашего миноносца (я был на «Стерегущем») и тяжелой раной для большого корабля. Но, несмотря на тысячи таких водяных башен, на суда нашей эскадры они не попадали.

Японцы плохо стреляли, так же плохо как и мы, которые ни одного из 16 больших кораблей, то есть всего что было лучшего у японцев, не утопили.

Мы и они

Военная мысль у нас во флоте прогрессировала медленнее военной техники. В этом был корень зла.

Видимо, и у них военная мысль была слабее техники.

Дальнейший успех японцев надо объяснить их моральным подъемом после удачной минной атаки, а неудачу русских – обратным ее эффектом.

Печальный пример Севастополя

Мы сами себя закупорили в Артуре и, по печальному примеру «Севастопольской обороны» в Крымскую войну, спешили. А они, наоборот, овладели морем и обнаглели на широких просторах их домашних вод и своих берегов, тайно поддерживаемые Англией и Америкой.

У русского флота был один момент, когда весы судьбы могли склониться на его сторону. 2 мая 1904 года на наших глазах погибло два их лучших броненосца, а третий погиб в тот же день у Талиенвана. Мы не использовали благоприятного момента, единственного в своем роде. Об этом я тоже хотел бы рассказать.

Никого не осуждаю. Судьба сильнее нас и ее иероглифических узоров нам не разгадать.

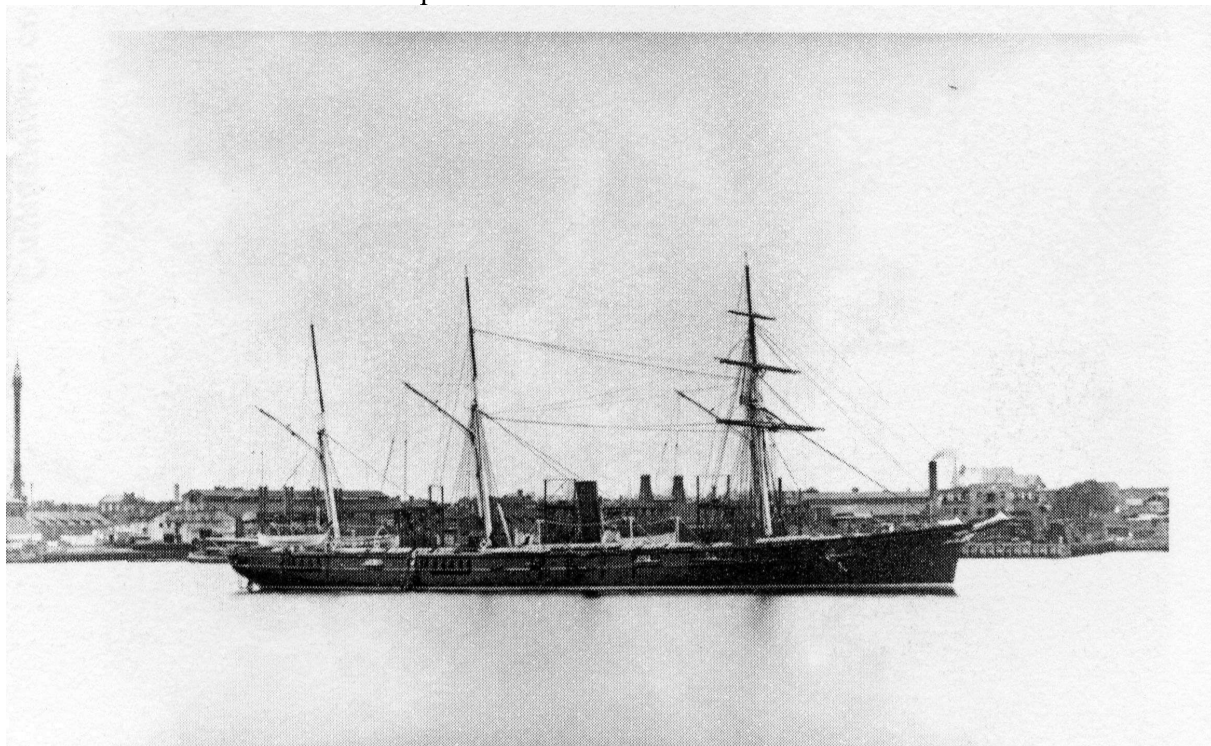
На все Кисмет!⁴

VII. К БЕРЕГАМ КОРЕИ

⁴ Судьба! (ред.)

Бухта Лонгрич

Впервые на Корейскую территорию я попал, плываю ещё на «Забияке», поздним летом 1902 года. Мы были в бухте «Лонгрич». Местность была почти пустыня. Населения не видели, за исключением нескольких случайных встреч. Это посещение памятно мне только общим колоритом местности, интереснейшей ночной рыбной ловлей и изобиловавшей обильной растительностью.

Клипер «Забияка»

Коварный Альбион

«Забияка», уже 25-ти летний старец, когда-то был самым быстроходным и сильным в мире и назывался клипером «Забияка». Совершил не одно дальнее плавание, показывая свою исключительную для того времени мощь.

На корабле ещё помнили, как ревнивый к своему могуществу на морях коварный Альбион хотел утопить «Забияку» в мирное время, без войны. Когда клипер «Забияка» стоял в каком-то из тропических портов на якоре, английский «купец», делая вид, что маневрирует, прямо направил свой нос в середину борта «Забияки», чтобы таранить его и утопить.

Бдительный и бравый командир «Забияки» (фамилию его позабыл), зная «английские штучки», пробил боевую тревогу и заряженные пушки направил на нахального «купца».

Наемный убийца свернул и удалился.

Ночная рыбная ловля

На «Забияке» имелся прекрасный рыболовный невод, оставшийся со времени его бывшего величия. Командир разрешил команде позабавиться ловлей рыбы, которая в этих местах изобиловала.

Спустили почти все шлюпки; матросы и молодые офицеры с радостью пустились в рыбную охоту. На лесистом берегу в Лонгрич зажгли ряд больших костров. Среди матросов нашлись специалисты-рыбаки, на шлюпках завезли концы длинного невода и стали постепенно его тащить к берегу. Первый же завоз дал прекрасные результаты, поймали несколько пудов серебристых рыб, длиною в аршин и больше, плоских и узких, напоминающих матросские палаши, которые существовали для десанта в прежние времена.

Матросы прозвали эту рыбу палашами. В несколько приемов поймали столько рыбы, что девать её было некуда, решили ловлю прекратить и заняться приготовлением ужина.

Пустая уха

Привезли с корабля котлы, необходимые приправы и хлеб. Стали варить уху на пылающих кострах во мраке ночи. Скука повседневной корабельной жизни сменилась ночным пикником для команды и офицеров.

Уха быстро сварилась, но оказалось, что рыба эта совершенно разварилась в бульон, и, несмотря на большой улов, есть было почти нечего.

Порт Мозампо

Летом 1903 года «Пересвету» было поручено пойти в один из южных портов Кореи «Мозампо», где японцы видели для себя какие-то важные интересы. В те времена все корейцы ходили в своем национальном платье.

Встреченные в лесных просеках туземцы носили за плечами оригинальные открытые ранцы из прутьев, видимо, для переноски тяжестей.

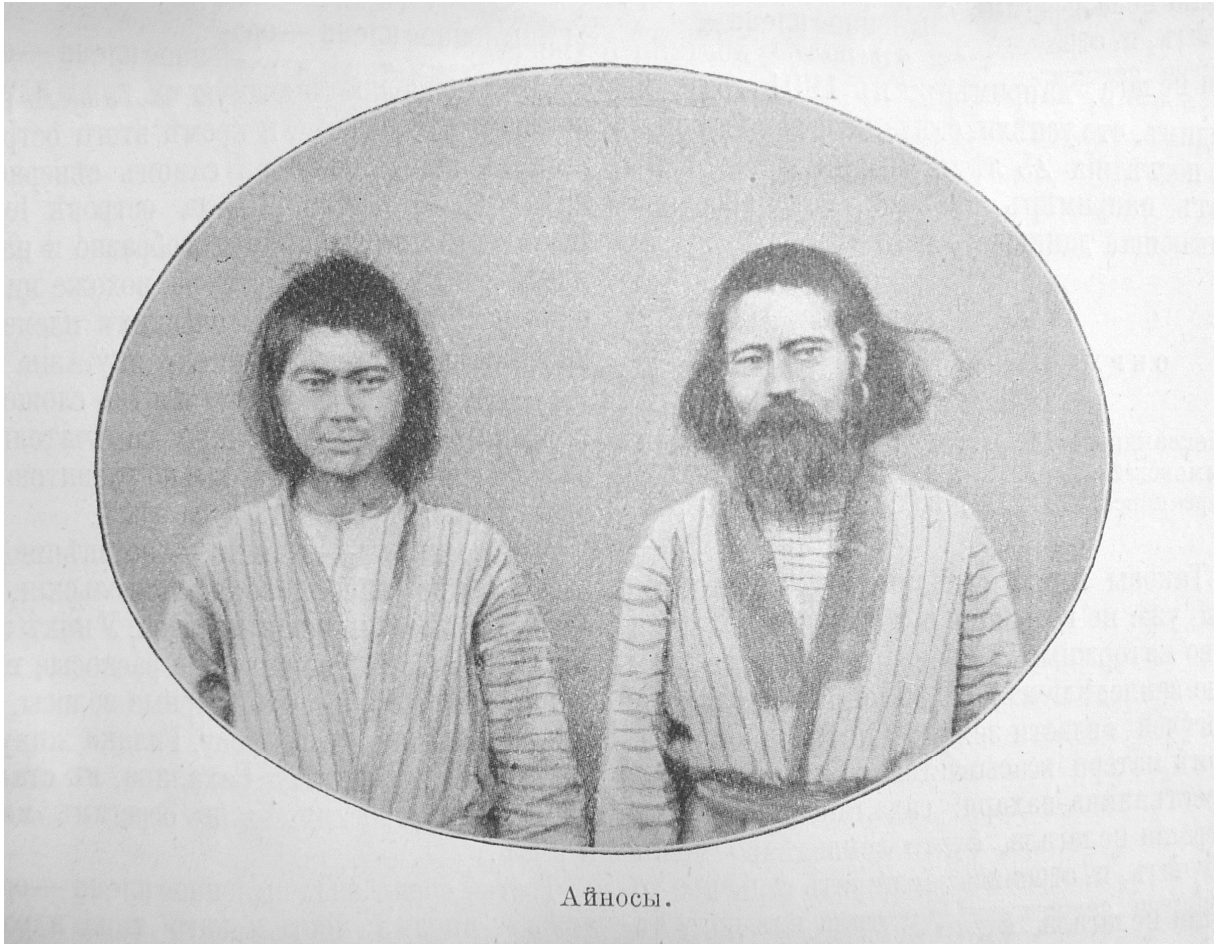
Обращало внимание необычайное распространение кожных болезней среди встречавшихся прохожих. Кое-кому, кто к нам обратился, мы выдавали лекарства из судового лазарета.

В Мозампо мы простояли недолго, всего несколько дней.

Шляпы и бороды корейцев

Характерная особенность мужского наряда корейцев – их прозрачная шляпа, сотканная из волоса. По форме шляпа представляла круг, на который был насажен усечённый конус, такой узенький, даже в своем основании, что голова в него войти не могла. Видимо, шляпа прикалывалась к прическе из довольно длинных волос, которые носили корейцы. Кроме сельчан, которых мы встречали в лесных просеках, все остальные корейцы, особенно горожане, были наряжены в этот прозрачный, воздушный головной убор, напоминавший маленькие детские шляпы у европейских клоунов.

Второй особенностью корейских мужчин являются их козлиные бороды.

Айносы.

Айносы и корейцы

Те корейцы, которых нам удалось видеть, по типу своему значительно отличались и от Китайцев и от японцев. Все довольно хорошего роста и лицом ближе к европейцам, довольно красивы, слегка напоминали тип айноса.

Айносы - это один из исчезающих народов Азии. Когда-то он, по видимому, населял Сибирь. Теперь же только в количестве нескольких сот человек он сохранился на Сахалине. А недавно, как я читал, обнаружен и на одном из северных островов Японии, уже в количестве нескольких тысяч особей. Это люди очень высокого роста с лицом, близким к арийской расе, с длинными бородами и длинными волосами.

Когда я был студентом Императорской Военно-Медицинской Академии, в анатомический музей была доставлена голова взрослого айноса, как необычайная редкость исчезающего племени. Профессор анатомии Таренецкий показывал эту голову на заседании антропологического общества. Её нес на блюде служитель. Она напоминала голову Иоанна Крестителя, как её изображают на картинах, с длинными волосами и длинной бородой.

Мне, кажется, что у корейцев есть что-то и от айносов.

Местный сановник

«Мозампо» в то время был небольшой городишко, но в нем проживал какой-то важный чиновник, по-видимому, местный губернатор.

Под вечер, когда мы, группа офицеров, отправились поглядеть на город и повидать жителей той земли, мы дошли и до дома корейского сановника.

Когда мы приблизились к дому сановника, то увидели среди деревьев довольно заметный дом, перед которым была небольшая полянка, а за нею опять деревья.

На крыльце сидел, важно смотря перед собой, в волосяной шляпе с длинным чубуком в руках, мужчина лет около 50-ти, изредка потягивал трубку и поглаживал, захвативши в ладонь, свою длинную, чуть седеющую козлиную бороду. На полянке перед ним резвились и играли десятка два мальчишек лет от 10 до 14.

«Гарем вельможи»

Сопровождавший нас житель Мозампо, русский, пояснил нам, что на лужайке развится гарем корейского сановника, а значительное количество его «жен» свидетельствует о важности чиновника, который этим афиширует свою политическую потенцию.

Гонорар Императора

Об одной смешной истории недавнего к тому времени прошлого Корейского Двора рассказывал нам старший врач Квантунского экипажа Александр Александрович Попов, дальне восточный старожил.

Лет за 5-7 до того он попал в Сеул на одном из русских военных судов. Его пригласили во дворец к захворавшему корейскому Императору. Болезнь оказалась уретритом. В качестве высочайшего гонорара, Попов был пожалован тремя бумажными веерами.

Японский консул

В Мозампо Япония имела своего консула по фамилии Ватанабе, хорошо говорившего по-русски.

Конечно, Ватанабе прибыл с визитом на «Пересвет», был гостем и нашей кают-компания. Мы потчевали его обедом; общительный и веселый, он всем понравился. Я тоже с ним беседовал в кают-компания, что мне впоследствии пригодилось.

Когда крепость Порт-Артур пала и все врачи, по девятому пункту капитуляции, после ухода гарнизона в плен, были оставлены в Порт-Артуре для лечения своих больных и раненых, Ватанабе оказался офицером, чуть не полковником, при штабе санитарного корпуса армии Ноги. При случайной встрече, он сразу меня узнал и потом мне очень помогал, когда я обращался со служебными просьбами.

Преступление японского Красного Креста

Разыскивая в японских госпиталях матроса того санитарного отряда, которым я командовал во время осады, я случайно обнаружил, что японцы тяжело больных русских, которых они считали безнадежным, двадцать человек, свалили на нары в отдельную комнату, где в стене была пробоина от снаряда в сажень диаметром и, без всякого ухода, держали их там при 9° мороза.

Когда я вошел в сопровождении других русских больных, указавших мне на это, я увидел два ряда нар с кучами шинелей и одеял; людей не было видно, но полы были залиты замерзшей мочей и покрыты экскрементами.

Когда десятки наших сапог стали стучать по каменному полу казармы, шинели и одеяла зашевелились и из под них стали высовываться отечные синие лица цынготных, обреченных на смерть мерзавцами врачами.

Среди живых было уже три трупа, неубранные больше суток.

Я не ограничился только сообщением об этом возмутительном преступлении своему начальству, но сообщил и своим друзьям, моряким врачам, боясь, что наше начальство замнет дело.

Мы, младшие врачи, написали дерзкий протест начальнику Санитарного Корпуса армии Ноги, и одновременно об этом сообщили Американскому военному агенту-врачу. Словом, мы сделали все, чтобы дело всплыло наружу полностью.

По молодости, выражения наших письменных протестов были крайне резки. Семь юных врачей, в том числе конечно и я, подписали эти бумаги, которые в нашем положении пленных, а не победителей, теперь в старости, я должен признать дерзостью.

Предание меня японскому военному суду

После этого протеста о японском госпитале Красного Креста, мой приятель Ватанабе, принял меня сухо, не подав руку и заявил, что я и мои друзья, подписавшие дерзкий письменный протест, переданы японскому военному суду «за оскорбление японской армии», и дело о нас пошло в Мукден в главную квартиру, где тогда стоял штаб генерала Ноги.

Преступление это, совершенное японской санитарной службой, открыл я и я же поднял скандал. На меня падала главная вина.

Дело было замято

Дело о нас, однако, было замято влиятельными японцами, друзьями нашего Санитарного инспектора, доктора И. В. Ястребова, профессором международного права Токийского университета Арига и лейб-медиком Микадо, майором, бывшими в те дни в Артуре, которых доктор Ястребов знал ещё по Японии.

Я уверен, что мое случайное знакомство с японским консулом в Мозампо в кают-компании «Пересвета» много помогло нам выбраться из этой истории.

В то время все мы по молодости нисколько не волновались предстоящим судищищем; теперь я вижу, что старик Ястребов был прав, прибегнув к своим японским связям.

Дело это было описано в русских столичных газетах ещё до нашего возвращения в Россию, а потом описано в «Морском враче».

Деловой результат

Конечно, это возмутительное отношение Японцев к нашим больным было исключением. Японцы относились к нам не плохо, а скорее наоборот; во всяком случае очень терпимо.